

О русском сектантствѣ вообще и, въ частности, о томъ, чѣмъ опасно современное наше русское сектантство.

(Речь, произнесенная въ собраніи Кіевскаго Религіозно-Просвѣтительнаго Общества, въ залѣ Кіево-Фундуклеевской женской гимназіи, 19 марта 1900 года).

Нѣсколько времени тому назадъ, съ этой самой кафедры, въ подобномъ же братскомъ собраніи нами предложено было вашему просвѣщенному вниманію чтеніе о православіи и о значеніи православной вѣры въ исторіи русскаго народа. Нами было тамъ показано и историческими фактами и свидѣтельствами доказано, что православіе есть не только правая, истинная вѣра въ Бога и вѣрный путь ко спасенію, но и особенный историческій завѣтъ русскаго народа, историческое призваніе Россіи; что сохраненіе и защита православія есть нравственное обязательство Россіи предъ Провидѣніемъ Божиимъ, которое управляетъ всѣмъ міромъ человѣческимъ и предъ всѣмъ православнымъ христіанствомъ.

Знаменательно, что призваніе русскаго народа въ христіанскую церковь совершилось въ X в. нашей эры, т. е. въ то самое время, когда цѣлая половина христіанскаго міра уклонилась отъ православія.

Замѣнить отпавшихъ и призваны были славяне, во главѣ съ русскимъ народомъ.

Русскіе одни изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, изъ коихъ иные были и болѣе ихъ сильны и болѣе образованы, сохранили свою самостоятельность, хотя и послѣ тяжкаго испытанія. Этимъ русскому народу указывалось особое назначеніе—хранить и защищать православіе не для себя только, но и для другихъ, для всего православнаго міра.

Духовное развитіе и политическое возрожденіе русскаго государства совершилось преимущественно подъ знаменемъ православія, которому русскій народъ, можно сказать, обязанъ всѣмъ, что только имѣеть онъ лучшаго въ своей жизни. Самъ русскій народъ такъ и понималъ значеніе православія въ исторіи Россіи, и потому любилъ, дорожилъ православною вѣрою и, когда требовалось, умиралъ за нее. Въ теченіе вѣковъ между русскою народностію и русскимъ государствомъ, съ одной стороны, и православіемъ, съ другой стороны, установилась неразрывная внутренняя связь,—такая глубокая и существенная связь, что имена русскій и православный стали означать одно и то же, что отреченіе отъ православія стало необходимо влечь за собою и отреченіе отъ русской народности, и наоборотъ.

Слыша эти послѣднія наши слова, иные изъ васъ могутъ спросить: такъ-ли это? Быть можетъ, все это и имѣло значеніе для прошедшей исторіи русскаго народа, но потеряло всякую силу для настоящаго времени? Въ самомъ дѣлѣ, если только между православіемъ и русскою народностію существуетъ внутреннее согласіе, то какъ же объяснить происхожденіе у насъ сектантства? Какимъ образомъ могло явиться у насъ сектантство, если только русскій народъ, казалось бы, не можетъ жить безъ вѣры православной, если русскій и православный—это одно и то же, если отреченіе отъ православія есть по тому самому отреченіе и отъ русской народности? Какимъ образомъ среди русскаго народа появляются люди, которые не только не любятъ, но даже ненавидятъ

православную вѣру и церковь, которые отказываются называть и признавать себя славянами и русскими?

Не обинуясь говоримъ и утверждаемъ, что сектантство своимъ существованіемъ нисколько не поколеблетъ силы высказаннаго нами раньше положенія, по которому русскій человекъ не можетъ не любить православія, а если иногда не любить его, то только потому, что или совсѣмъ не знаетъ, или неправильно знаетъ и понимаетъ его. Сектанты потому именно не любятъ православія, что они или не знаютъ, или же не понимаютъ его. Сектантство, разумѣется, дѣйствительное, искреннее, а не мнимое и ложное, есть не безусловное отрицаніе православной вѣры, а только болѣзненное, неправильное, возникающее и развивающееся на почвѣ религіознаго невѣжества, незнаніе русскимъ народомъ своей вѣры, исканіе православной истины, или же протестъ противъ православной церкви, будто бы, извратившей эту истину.

Призванный на эту кафедру желаніемъ своихъ сочленовъ, я и прошу вашего благосклоннаго позволенія предложить вамъ посильное рѣшеніе вопросовъ о томъ, что такое русское сектантство, откуда и отъ чего оно происходитъ и чѣмъ особенно опасно современное русское сектантство.

При этомъ считаемъ необходимымъ сдѣлать оговорку, что въ послѣдующей своей рѣчи мы будемъ вездѣ имѣть въ виду настоящее, дѣйствительное русское сектантство, какъ явленіе исключительно религіозное, а не мнимое наше сектантство. Такая оговорка нынѣ необходима, потому что въ настоящее время подъ именемъ сектантовъ нерѣдко выступаютъ и дѣйствуютъ люди, ничего общаго съ сектантствомъ и даже религіей вообще не имѣющие, потому что теперь многіе именемъ сектантовъ желаютъ только прикрыть свои преступныя дѣйствія общественнаго характера и заручиться сочувствіемъ общественнаго мнѣнія и покровительствомъ закона.

Совершенно справедливо, что знакомство съ современнымъ положеніемъ нашего сектантства не можетъ не на-

строить того, кому дорога родная вѣра и все русское, на самыя грустныя думы и размышленія. Кто интересовался когда-либо статистическими свѣдѣніями о Россіи и, въ частности, о русскомъ сектантствѣ, тотъ знаетъ, что число сектантовъ у насъ довольно значительно. Хотя точная статистика русскаго сектантства и не можетъ быть установлена, такъ какъ существуетъ множество тайныхъ сектъ, но, тѣмъ не менѣе, любопытно, что по официальнымъ „статистическимъ таблицамъ“, относящимся, впрочемъ, къ 1863 г., сектанты, включительно съ раскольниками, составляютъ шестую часть всего православнаго населенія Россіи¹⁾. Какъ ни преувеличено это послѣднее показаніе, но несомнѣнно, что и въ настоящее время число сектантовъ вмѣстѣ съ т. н. старообрядцами должно быть опредѣляемо у насъ миллионами.

Съ другой стороны, періодическая наша печать отмѣчаетъ едва-ли не ежегодное появленіе среди нашего народа все новыхъ и новыхъ сектъ, или же сектантскихъ толковъ.

Наконецъ, вообще, современное русское сектантство проявляетъ значительную внутреннюю силу, выражающуюся въ наклонности къ распространенію. По свидѣтельству послѣдняго официальнаго отчета по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1896 и 1897 г.г., „штундизмъ, отличительною чертою котораго является стремленіе къ энергичной и настойчивой пропагандѣ своего лжеученія, значительно усилилъ и распространилъ эту свою дѣятельность. Сектантское броженіе коснулось и новыхъ мѣстъ, гдѣ о штундѣ ранѣе и понятія не было... Въ Юго-Западномъ краѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вновь вспыхнула штунда и выразилась въ значительномъ количествѣ отпаденій отъ православія“²⁾.

¹⁾ См. въ энциклопед. словарь Граната. Т. VIII. М. 1895, стр. 5092 „Статистическія таблицы“ Фонъ-Бухена были изданы по распоряженію министра внутр. дѣлъ.

²⁾ См. Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода К. Побѣдоносцева за 1896 и 1897 г.г. Спб 1899 г., стр. 141.

Какъ смотрѣть на такое состояніе и настроеніе современнаго русскаго сектантства? Не представляетъ ли оно серьезной опасности для православной вѣры русскаго народа? Не говоритъ ли оно о томъ, что православіе у насъ отжило свое время и русскій народъ сталъ отрекаться отъ него? Не говоритъ ли оно о внутреннемъ разслабленіи самой православно-русской церкви, какъ готовы думать иные?

Нѣтъ, значительное количество современныхъ сектантовъ, появленіе у насъ новыхъ сектъ и толковъ и происходящее въ русскомъ сектантствѣ броженіе съ наклонностію къ прозелитизму ни мало не говорятъ о слабости православной церкви въ Россіи, или о разочарованіи русскаго народа въ православіи.

Къ сожалѣнію, появленіе и присутствіе ересей и сектантства въ церкви Христовой, вообще, и въ частности, въ православно-русской церкви, составляетъ печальную необходимость. Самъ Божественный Основатель Церкви предвидѣлъ и заранѣе предсказывалъ появленіе въ ней лжехристовъ и антихристовъ и вообще еретиковъ и предупреждалъ Своихъ послѣдователей отъ нихъ. „Возстанутъ лжехристы и лжепророки“,—говоритъ Іисусъ Христосъ,—„и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ“ (Мѡ. XXIV, 24)... „Вы же берегитесь: Вотъ Я напередъ сказалъ вамъ все“ (Мрк. XIII, 23).

И, дѣйствительно, по непреложному слову Господа, въ самое первое время христіанства, въ вѣкъ апостольскій явились среди христіанъ лжеучители и еретики, которые производили великое смущеніе въ христіанскомъ обществѣ, не смотря на то, что тогда особеннымъ образомъ и преизобильно дѣйствовала благодать Святаго Духа въ Церкви Христовой и жизнь христіанская отличалась тогда особенною чистотою и высотой. Еще при Апостолахъ „многіе обольстители вошли въ міръ, не исповѣдывавшіе Іисуса Христа, пришедшаго во плоти“ (2 Іоанн. 7), „вкрались нѣкоторые люди, издревле

предназначенные къ сему осужденію, нечестивые, обрацавшіе благодать Бога нашего въ поводъ къ распутству и отвергавшіе единого Владыку Бога и Господа нашего Иисуса Христа“ (Іуд. ст. 4).

И затѣмъ, во все послѣдующее время, до самаго происхожденія нашей православно-русской церкви, вселенскую Церковь Христову продолжали волновать почти непрерывно появлявшіяся въ ней и исчезающія разныя ереси и секты.

И въ церкви русской православной, можно сказать, съ первыхъ дней ея существованія видимъ появленіе ересей и сектъ. Уже при великомъ князѣ Владимірѣ св., просвѣтителѣ Руси, является еретикъ, представитель секты богомилской, занесенной къ намъ, вѣроятно, изъ Болгаріи. Хотя за послѣдующее время мы не видимъ слѣдовъ непрерывнаго существованія этой секты, но даже и тѣ частичныя свѣдѣнія, какія имѣются, показываютъ, что сектантское богомилское движеніе мистико-раціоналистическаго характера могло существовать среди русскаго общества, тѣмъ болѣе, что идеи его могли поддерживаться и питаться сношеніями, какія тогда существовали между Россіей и Болгаріей, родиной богомилства.

Но несомнѣнно также то, что богомилство, бывшее крайнею противо-церковною сектою и чуждымъ для Россіи движеніемъ, не встрѣтило сочувствія въ русскомъ народѣ. Да и вообще въ теченіе XII—XIV в.в. сектантскія броженія, показывающія присутствіе въ народѣ желанія знать и изучать свою вѣру, не могли находить благопріятной почвы. Во все это время вниманіе русскаго народа было всецѣло занято весьма важными событіями гражданской жизни въ видѣ страшныхъ удѣльныхъ усобицъ и татарскаго владычества. Въ это время русскій народъ, хотя и глубоко преданный вѣрѣ православной, въ которой онъ находилъ успокоеніе и утѣшеніе въ своихъ бѣдствіяхъ, мало зналъ еще вѣру

свою, не имѣть возможности и времени вдуматься въ свою вѣру и отдать себѣ полный отчетъ въ ней.

Но лишь только загорѣлась заря освобожденія русскаго народа отъ иноземнаго ига и началось объединеніе Руси, сопровождавшееся прекращеніемъ удѣльныхъ смутъ, такъ и обнаружилось стремленіе русскихъ людей ближе и лучше узнать свою вѣру. Съ этого же времени являются у насъ и попытки критическаго отношенія къ вѣрѣ и стремленіе къ созданію ученій и обществъ, несогласныхъ съ православною вѣрою. Знаменательно также и то, что первая секта, выразившаяся въ опредѣленную форму и явившаяся въ видѣ особаго общества, возникла и развилась въ тѣхъ областяхъ русскаго государства, которыя меньше всего претерпѣли отъ иноземнаго ига, т. е. въ новгородской и псковской.

Разумѣемъ секту стригольниковъ, которая появилась въ Псковѣ около половины XIV в. и существовала въ теченіе приблизительно столѣтія. Секта эта отрицала св. преданіе, іерархію православной церкви и вообще все внѣшнее въ христіанствѣ, молитвы за умершихъ, а въ видѣ особаго крайняго толка своего она отвергла даже воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь, потерявъ даже самую вѣру въ Божественнаго Искупителя человечества и полагая, что для спасенія достаточно молиться, глядя на небо и призывая въ молитвахъ Отца Небеснаго.

Въ непосредственной, хотя и сокрытой отъ взоровъ историка, связи съ сектою стригольниковъ находилась, несомнѣнно, секта жидовствующихъ. За это говоритъ тожество мѣста происхожденія, близость времени возникновенія и совершенное почти совпаденіе лжеученія ихъ въ главныхъ пунктахъ. Секта жидовствующихъ возникла въ Новгородѣ во второй половинѣ XV в. Съ теченіемъ времени она была перенесена въ Москву и получила здѣсь широкое распространеніе. Ложныя идеи ея легли въ основаніе многихъ дру-

гихъ сектантскихъ движеній, волновавшихъ русскую церковь въ Москвѣ въ XVI в., и пустили глубокіе корни въ сознание русскаго общества, а черезъ посредство нѣкоторыхъ представителей ея, напр., Оеодосія и пр. были занесены въ Юго-Западную Русь, гдѣ онѣ слились съ другими еретическими сектантскими движеніями, въ родѣ антитринитаріевъ и др. Какъ и стригольники, жидовствующие отрицали всю обрядность православной церкви, іерархію, церковное устройство, будущую жизнь, воскресеніе мертвыхъ и др.

Лжеученіе жидовствующихъ получило особенно широкое распространеніе въ русскомъ обществѣ, между прочимъ, и потому, что и отрицательныя идеи сектантовъ встрѣтили сочувствіе среди нѣкоторой части высшаго, болѣе образованнаго класса тоговременнаго московскаго общества, которое, должно замѣтить, своимъ отношеніемъ къ сектантству весьма много напоминаетъ нашу, т. н. интеллигенцію въ ея отношеніи къ современному сектантству. Заручившись сочувствіемъ московской интеллигенціи и пользуясь даже извѣстнымъ покровительствомъ московскаго правительства, сектанты начали энергично распространять свое лжеученіе и такою своею пропагандою возбудили въ умахъ православныхъ колебанія, произвели всеобщее волненіе и развили страсть къ религіознымъ спорамъ и разсужденіямъ. „Нынѣ“—говоритъ объ этомъ современникъ преп. Іосифъ Волоцкій,—„и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищахъ, иноци и мірстїи и вси сумняся, вси о вѣрѣ пытають, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ святыхъ отецъ, но отъ еретиковъ и отъ отступниковъ Христовыхъ“.

Благодаря всему этому, отрицательныя мнѣнія жидовствующихъ глубоко проникли въ народное сознание и долго въ послѣдствіи давали о себѣ знать въ видѣ различныхъ сектантскихъ броженій, возникшихъ среди русскаго народа.

Потому очень вѣроятнымъ представляется мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что лжеученіе жидовствующихъ отразилось

и даже послужило исходною точкою ложнаго ученія церковно-демократическихъ сектъ, т. н. безпоповщины, съ такимъ успѣхомъ распространявшихся въ предѣлахъ Новгородской области, также секты субботниковъ, у которыхъ еще св. Димитрій Ростовскій открывалъ слѣды „жидовства“, и даже духоборчества.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, дѣйствительно, оказалось, что секта духоборцевъ, хотя и обнаружилась ясно впервые и получила распространеніе въ южной Россіи, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Екатеринославской и Харьковской губерній, но сюда она была занесена изъ великороссійскихъ, подмосковныхъ губерній, гдѣ она, слѣдовательно, и возникла первоначально. Окончательно сформировавшись къ половинѣ XVIII в., духоборческая секта своимъ крайне отрицательнымъ отношеніемъ къ православной церкви и даже гражданскимъ установленіямъ возбудила въ свое время общее отвращеніе къ себѣ во всѣхъ классахъ русскаго общества и, выдѣливъ изъ себя болѣе умѣренный толкъ подъ именемъ молканскаго, сама подверглась весьма суровымъ преслѣдованіямъ, не смотря даже на всю вѣротерпимость правительства императрицы Екатерины II. Въ началѣ XIX в. произошла совершенная перемѣна въ отношеніяхъ правительства къ духоборцамъ, которые были щедро осыпаны милостями и привилегіями и даже для того, чтобы предотвратить возможность возникновенія вражды между православнымъ и духоборческимъ населеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ были духоборцы, эти послѣдніе были переселены въ одно мѣсто, на югъ Россіи и тамъ надѣлены были новыми привилегіями. Результаты такого порядка вещей получились самые печальные, такъ что въ сороковыхъ годахъ XIX в. явилась необходимость выселить духоборцевъ на отдаленную окраину государства, въ Закавказскій край, гдѣ въ самое послѣднее время секта духоборческая снова заявила о себѣ въ высшей степени нетерпимымъ

и враждебнымъ отношеніемъ къ православной церкви и въ особенности къ гражданскому строю Россіи.

Нельзя считать случайнымъ событіемъ того обстоятельство, что мѣстомъ первоначальнаго возникновенія нынѣшняго штундизма служилъ тотъ же югъ Россіи, въ частности, Таврическая губернія и ея ближайшія окрестности, гдѣ до сороковыхъ годовъ XIX в. жили духоборцы и откуда они, безъ сомнѣнія, не переселились всѣ поголовно въ Закавказскій край. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что духоборчество въ главныхъ пунктахъ своего лжеученія совпадаетъ съ нынѣшнимъ штундизмомъ, даетъ полное основаніе видѣть болѣе, чѣмъ случайное, взаимоотношеніе между этими двумя видами новѣйшаго нашего сектантскаго броженія. По крайней мѣрѣ, духоборчество могло подготовить благопріятную почву для распространенія штунды изъ нѣмецкихъ колоній среди населенія нашего южно-русскаго края.

Исторія возникновенія и распространенія штундизма настолько сложна, что о ней кратко говорить не представляется никакой возможности здѣсь. Ограничимся замѣчаніемъ, что штунда въ настоящее время представляетъ наиболѣе распространенный и опасный видъ русскаго сектантства, т. н. рационалистическаго ¹⁾.

Въ то самое время, когда югъ Россіи озарился зловѣщимъ пламенемъ штундистскаго пожара, на крайнемъ сѣверѣ ея, въ самой столицѣ государства нашего быстро и успѣшно распространялось подобное же сектантское лжеученіе. Мы разумѣемъ пашковщину, которая въ существѣ своемъ сходна съ штундою и представляетъ не что иное, какъ крайній и чистый рационализмъ въ области вѣры. Будучи въ началѣ своего существованія явленіемъ чуждымъ, заноснымъ, пашковщина нашла себѣ въ Петербургѣ самую благопріятную

---

¹⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1896 и 1897 г.г. Слб. 1899 г., стр. 141.

почву въ видѣ извѣрившагося высшаго класса столичнаго общества, особенно женской половины его. Ограниченная въ своей вредной пропагандѣ около половины восьмидесятыхъ годовъ XIX в., пашковщина въ самое послѣднее время снова ожила и проявляетъ энергичную наклонность къ распространенію и пропагандѣ своего лжеученія, съ несомнѣнною очевидностію стремясь подчинить своему вліянію и воздѣйствію престонародную нашу „пашковщину“, т. е. штундизмъ¹⁾).

Люди, ищущіе удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ внѣ общенія съ православно-вселенскою церковью Христовою, идутъ обыкновенно двумя путями къ своей цѣли. Одни изъ нихъ вѣряютъ себя руководству своего разума, а другіе—отдаются указаніямъ, большею частію неяснымъ и темнымъ, своего чувства.

То же самое мы видимъ и въ мірѣ русскаго сектантства. Тогда какъ одни изъ нашихъ сектантовъ стремятся постичь Непостижимаго однимъ своимъ ограниченнымъ разумомъ, другіе ищутъ общенія и единенія съ Богомъ въ своемъ чувствѣ.

Отсюда рядомъ съ раціоналистическимъ мы видимъ мистическое сектантство у насъ въ Россіи.

Мистическое сектантство заявляетъ о себѣ въ нашей исторіи сначала слабо, а потомъ все болѣе и болѣе рѣшительно и явственно. Мистическія идеи замѣтны уже въ древней богомильской сектѣ, а также и въ нѣкоторыхъ сектантскихъ броженіяхъ, возникшихъ подъ вліяніемъ секты жидовствующихъ. Въ XVII в. явилась у насъ вполнѣ сложившаяся и опредѣлившаяся секта съ мистическимъ характеромъ подъ именемъ хлыстовщины, которая въ слѣдующемъ вѣкѣ выдѣлила изъ себя уродливѣйшую изъ произведеній нашего мистическаго сектантства—скопчество. Начало XIX в. было временемъ особеннаго распространенія мистическихъ идей среди нашего общества высшаго, т. н. интеллигентнаго. Того-

¹⁾ См тамъ-же, стр. 148.

временное отношеніе интеллигентныхъ сектантовъ мистиковъ къ своимъ простымъ согласникамъ-сектантамъ во многомъ напоминаетъ отношеніе современнаго русскаго интеллигентнаго сектантства къ простонародному сектантству. Сравнительно успокоившееся и утихшее въ половинѣ XIX в., мистическое сектантство въ самое послѣднее время снова начинаетъ заявлять о себѣ нерѣдко довольно рѣзкою и открытою пропагандою своихъ ложныхъ, иногда уродливыхъ идей.

Вотъ краткій очеркъ исторіи русскаго сектантства отъ начала существованія нашей церкви и до послѣднихъ дней. О чемъ-же онъ говорить? Онъ говоритъ о томъ, что среди русскаго православнаго народа всегда существовало религиозное разномысліе, выражавшееся въ видѣ разнообразныхъ сектантскихъ броженій, что въ 900-лѣтней исторіи русской церкви не было ни одной эпохи, ни одного вѣка, когда бы она не волновалась сектантскими движеніями — раціоналистически-мистическими. Это можетъ вызывать у насъ чувства скорби и сожалѣнія, но не должно насъ ужасать. Много было сектъ на Руси святой и большая часть ихъ исчезла, прошла безслѣдно, а нынѣ существующія въ самихъ себѣ носятъ зародышъ своей смерти. Такимъ образомъ, къ нашимъ сектамъ вполне приложимы слова ап. Петра, съ которыми онъ обратился къ Сапфирѣ, желѣ пытавшагося обмануть Апостоловъ и все первохристіанское общество Ананіи: *„вотъ входятъ въ двери погребавшіе мужа твоего; и тебя вынесутъ“* (Дѣян. V, 9).

Прежде чѣмъ время погребало одну секту, начинала умирать другая, смѣнявшая ее; умеруть, безъ сомнѣнія, и нынѣ существующія среди нашего народа секты, какъ умерли въ свое время ихъ родоначальницы, или предшественницы. А между тѣмъ, церковь православная стоитъ твердо и непоколебимо и неизмѣнно хранить святую вѣру во всей неприкосновенной чистотѣ ея, не смотря ни на какія опасности и покушенія враговъ, по слову Божественнаго Основа-

теля ея: „создашь Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея“ (Мо. XVI, 18).

Но если сектантство, съ особенною силою нарушающее нынѣ миръ церковный, и не опасно въ такой мѣрѣ, какъ это иногда представляютъ враги православія; то, все-таки, является въ высшей степени любопытнымъ и серьезнымъ вопросъ, чѣмъ объяснить постоянное присутствіе среди русскаго народа религіознаго разномыслія въ видѣ сектантскаго броженія, постоянного возникновенія въ немъ все новыхъ и новыхъ сектантскихъ идей и обществъ?

Кажется, что главнѣйшею и важнѣйшею причиною первоначальнаго возникновенія сектантства въ русской церкви и не прекращающагося доселѣ появленія новыхъ и новыхъ сектъ у насъ служатъ особенныя, неблагопріятныя историческія условія, при которыхъ происходило и даже доселѣ происходитъ усвоеніе русскимъ народомъ православной вѣры.

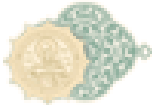
Православная вѣра, принятая русскимъ народомъ по собственному выбору и добровольно, распространилась быстро, мирно и спокойно. Въ теченіе двухъ княженій—Владимира св. и Ярослава Мудраго, немногимъ болѣе чѣмъ въ одно полустолѣтіе, православно-христіанская вѣра распространилась на всемъ протяженіи тоговременнаго русскаго государства—отъ Кіева до Великаго Новгорода, отъ Галиціи и Волыни до Владиміра на Клязъмѣ и Муромѣ. Но какое это было распространеніе? Русскіе, очевидно, приняли православную вѣру безъ предварительной подготовки, безъ яснаго разумнаго пониманія высокаго ученія новой вѣры. Несомнѣнно также и то, что православіе за это время могло распространиться далеко не между всѣмъ русскимъ народомъ, а только между населеніемъ болѣе или менѣе крупныхъ центровъ политической жизни русскаго народа, т. е. городовъ, между тѣмъ, какъ жители селъ и деревень и всѣхъ вообще глухихъ и отдаленныхъ мѣстностей оставались язычниками. Такимъ образомъ, солнце христіанское освѣтило, можно сказать, однѣ

только верхушки горъ земли русской, между тѣмъ какъ всѣ равнины и, тѣмъ болѣе, низменности ея оставались погруженными въ языческій мракъ.

Съ другой стороны, мирное и быстрое распространеніе православія среди русскаго народа объясняется не только тѣмъ, что русскій народъ охотно принималъ вѣру, въ которой сразу увидѣлъ родныя и потому дорогія черты, не только въ силу общаго характера славянскаго племени—принимать то, что принято другими братьями, стоять пригороду на томъ, на чемъ сталъ городъ, но также и характеромъ прежней вѣры русскаго народа—древне-русскаго язычества.

Древне-русское язычество, ко времени крещенія русскихъ въ христіанство, находилось на очень низкой стадіи развитія, на переходѣ отъ религіи домашней къ религіи общественной. Оно не имѣло еще тогда ни развитаго культа, ни официальныхъ представителей его—жрецовъ, мѣсто которыхъ занимали простые волхвы, колдуны, ни постоянныхъ, нарочито устроенныхъ мѣстъ общественнаго богослуженія, ни даже самаго этого общественнаго богослуженія,—другими словами: у древне-русскихъ язычниковъ совсѣмъ отсутствовала религія, какъ общественное учрежденіе, или дѣло. Это послѣднее обстоятельство имѣло весьма важное значеніе для христіанства въ томъ отношеніи, что ему и распространителямъ его среди русскаго народа не было никакой пужды вести борьбу съ язычествомъ, которое, какъ общественная, публичная религія, совсѣмъ отсутствовало. Такимъ образомъ христіанство, какъ церковь, какъ учрежденіе, не замѣняло старую религію, предварительно вытѣснивши ее, но занимало мѣсто, которое было до него свободно. Это, разумѣется, было въ высшей степени благопріятное условіе для распространенія православной вѣры среди русскаго народа.

Но въ древне-русскомъ язычествѣ была за то другая сторона, которая представляла немалыя затрудненія и серьезныя препятствія для распространенія православной вѣры въ

русскомъ народѣ. Будучи весьма слабо развито, какъ религія общественная, публичная, древне-русское язычество было весьма сильно въ домашней жизни русскаго народа, гдѣ оно ко времени крещенія русскаго народа успѣло пустить весьма глубокіе корни и утвердиться. Здѣсь языческія вѣрованія, т. е. суевѣрія, окружали, опутывали, можно сказать, всякій шагъ, каждую мысль, намѣреніе, желаніе и дѣйствіе русскаго человѣка. И вытѣснить отсюда вліяніе языческое христіанству и его распространителямъ среди русскаго народа было весьма трудно: язычество оказалось здѣсь крайне устойчивымъ и прочно утвердившимся.

Вотъ почему въ первое время существованія у насъ христіанства на Руси мы можемъ наблюдать слѣдующее рѣдкое и любопытное явленіе. Православная вѣра быстро распространяется по всѣмъ предѣламъ земли русской и скоро дѣлается господствующею, офиціальною религіею русскаго государства; но рядомъ съ нею остается и во всей своей силѣ продолжаетъ существовать язычество. Древне-русскіе люди, и не только простые, не только жители глухихъ мѣстностей, но даже и представители высшаго класса и жители городовъ дѣлались христіанами по имени, совнѣ, а внутри, въ душѣ оставались язычниками. Въ этомъ и состояло, т. н. механическое двоевѣріе древне-русскихъ людей, которые были на половину христіанами, а на половину язычниками. Въ первые вѣка христіанства на Руси сплошь и рядомъ наблюдались у насъ такія явленія. Русскіе христіане шли сначала въ христіанскіе храмы, а затѣмъ прямо отсюда отирались въ дубравы и на поляны, гдѣ совершались языческія игрища и всѣ языческіе обряды; вѣнчались сначала въ церкви, а затѣмъ считали необходимымъ обвести новобрачныхъ вокругъ ракитова куста въ лѣсу; къ новорожденнымъ младенцамъ и больнымъ призывали сначала христіанскихъ священниковъ, а затѣмъ языческихъ волхвовъ, которымъ вѣрили больше, чѣмъ первымъ...

И это было не только естественно, но даже и необходимо. Должно было пройти известное время для того, чтобы христианство могло пробить толстую кору языческих вѣрованій,—правильнѣе, суевѣрій, которыя окружали жизнь русскихъ людей, для того, чтобы христіанскія идеи могли проникнуть въ сознаніе новыхъ христіанъ. И если одно только внѣшнее распространеніе православія въ обширной странѣ съ разъединеннымъ населеніемъ, при недостаточномъ числѣ миссіонеровъ, при трудныхъ и медленныхъ путяхъ сообщенія, заняло не мало времени; то само собою разумѣется, что проникновеніе православно-христіанскихъ идей въ сознаніе древнерусскаго народа, перевоспитаніе этого послѣдняго по идеямъ православія требовало значительно большаго времени.

У насъ нерѣдко можно встрѣчать и въ общественныхъ рѣчахъ и даже въ литературѣ обвиненія по адресу правительства и особенно духовенства, которыя, будто бы, были недѣлятельны, не принимали мѣръ къ тому, чтобы познать народъ русскій съ православною вѣрою, ближайшимъ образомъ научить русскій народъ вѣрѣ. Всѣ такія обвиненія и рѣчи суть плодъ увлеченія, легкомыслія и незнакомства съ историческими фактами.

И правительство въ лицѣ первыхъ нашихъ князей и особенно церковь православная принимали всевозможныя мѣры къ тому, чтобы дать дѣйствительное торжество православію въ сознаніи русскаго народа надъ язычествомъ. Церковь усиленно стремилась къ уничтоженію указаннаго выше механическаго двоевѣрія, обличала его въ лѣтописяхъ, церковномъ и гражданскомъ законодательствѣ, въ поученіяхъ, и даже предавала его проклятiю.

Такъ, наприм., митрополитъ Іоаннъ въ XI в. горячо увѣщавалъ русскихъ соблюдать „благообразную вѣру“, обличалъ тѣхъ, кто позволялъ волхвованія и чародѣянiя. „кто безъ стыда и безъ разума имѣлъ по двѣ жены, кто приносилъ

жертвы бѣсамъ, и болотамъ, и колодезямъ“, предостерегалъ іереевъ отъ пировъ, на которыхъ происходитъ „играніе, и плясаніе, и гудѣніе“, (т. е. языческіе религиозные обычаи), сильно обличалъ тѣхъ простыхъ людей, у которыхъ не бывало благословенія и вѣнчанія при бракосочетаніи, такъ какъ они думали, что вѣнчаніе нужно только боярамъ и князьямъ, а простые люди могутъ брать женъ „съ плясаніемъ, гудѣніемъ и плесканіемъ“.

Преп. Оеодосій Печерскій также обличаетъ горячо своихъ современниковъ за то, что они только назывались христіанами, а жили „погански“, т. е. по-язычески. „Развѣ не погански мы живемъ, если вѣримъ въ встрѣчу“, говоритъ онъ. „Ибо если кто встрѣтитъ чернориза, монахиню, лысаго коня или свинью, то возвращается,—развѣ это не по-язычески? Это суевѣріе („кобѣ“) держать по діавольскому наущенію, а другіе вѣрують чиханью, которое часто бываетъ на здравіе головѣ; но этимъ обольщаетъ діаволь, равно какъ другими обычаями и искушеніями, удаляющими насъ отъ Бога, волхвованіемъ, чародѣяніемъ... скоморошествомъ, гуслями, сопелями и другими играми, и непотребными дѣлами“¹⁾...

Можно было бы привести великое множество примѣровъ подобной ревностной, энергичной и настойчивой дѣятельности церкви, направленной къ искорененію двоевѣрія въ русскомъ народѣ, механическаго смѣшенія языческихъ и христіанскихъ понятій въ сознаніи его.

Результаты этой дѣятельности были значительны и осязательны. Христіанскія понятія и обряды начали прививаться къ сознанію и жизни русскаго народа. Но и теперь еще было далеко до полной побѣды христіанства надъ язычествомъ. Язычество и подъ его вліяніемъ вѣками сложившееся міровоззрѣніе не могло быть скоро подавлено и совершенно уничтожено. Уступая обличеніямъ и осужденію христіанскихъ

¹⁾ См. н. Макарія, Ист. рус. церк. Т. II. Слб. 1889 г., стр. 107.

проповѣдниковъ, народъ русскій началъ оставлять свои прежнія языческія вѣрованія и обряды, но какъ? Не разставаясь съ ними окончательно, онъ началъ свои прежнія языческія вѣрованія и представленія подкладывать подъ вѣрованія новыя—христіанскія, съ христіанскими обрядами и праздниками онъ сталъ соединять, или же подъ видомъ ихъ совершать свои языческія праздничныя обыкновенія.

Такъ явилось у насъ смѣшеніе древне-языческихъ боговъ съ христіанскими святыми (Перунъ и Ілія—пророкъ, Волосъ и св. Власій и др.) и замѣна древне-языческихъ праздниковъ христіанскими,—словомъ, то смѣшеніе христіанскихъ вѣрованій и обычаевъ съ древне-языческими, которое принято называть органическимъ двоевѣріемъ и въ которомъ, съ одной стороны, подъ видимою христіанскою внѣшностію держались остатки язычества, а съ другой стороны, новая вѣра переиначивалась и усвоялась подъ вліяніемъ древне-языческой вѣры.

Наступившія затѣмъ неблагопріятныя условія государственной жизни въ видѣ удѣльныхъ войнъ, татарскаго ига, объединенія Руси подъ главенствомъ Москвы, московской смуты, обрусѣнія окраинъ, реформы Петра Великаго и многого, многого другого затруднили, осложнили и крайне замедлили процессъ воспитанія русскаго народа, измѣненія его жизни по идеямъ православія, такъ что процессъ этотъ, можно сказать, и теперь еще не закончился исполнѣ. Всѣ силы церковной и государственной жизни русскаго народа были отвлечены въ сторону другихъ насущныхъ, необходимо требовавшихъ себѣ удовлетворенія, потребностей, и неотложнаго разрѣшенія вопросовъ, о просвѣщеніи же его въ духѣ православія мало думали, иногда совсѣмъ не думали, иногда же просто не могли и не имѣли времени думать.

Лучшіе люди русскаго народа прекрасно понимали ненормальность такого положенія дѣла, желали и стремились къ тому, чтобы устранить эту ненормальность и большею

частью должны были въ сознаніи своего безсилія опускать свои руки. Свою сердечную скорбь и сочувствіе русскому народу они выражали и выражаютъ одними только жалобами на его поразительное невѣжество. Эти жалобы раздаются на протяжении всей 900-лѣтней христіанской исторіи русскаго народа. И въ настоящее время какъ мало еще народъ нашъ просвѣщенъ, какъ недостаточно еще знаетъ онъ свою православную вѣру, которую горячо любитъ. Какая масса языческихъ суевѣрій и обыкновений царитъ еще и теперь въ домашней жизни нашего простого народа, да и одного-ли только простого? Но если гдѣ полное царство древне-языческихъ пережитковъ, такъ это именно въ темной массѣ нашего сектантства, среди этихъ скопцовъ, хлыстовъ, прыгуновъ, ползуновъ, скакуновъ, сануновъ, духоборцевъ, штундистовъ и др. Какъ, вообще, нашъ народъ даже и въ настоящее время мало образованъ. Кто интересовался когда либо сравнительными статистическими свѣдѣніями о распространѣніи грамотности въ культурныхъ странахъ міра, тотъ знаетъ, что Россія въ этомъ отношеніи занимаетъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ, при чемъ въ ней приходится 2,6 ученика въ публичныхъ школахъ на 100 жителей и ниже Россіи оказываются въ этомъ отношеніи только такія государства и страны, какъ Тунисъ, Сенегаль и Котинкина, а выше ея стоятъ Новая Каледонія, Гвіана, Уругвай, не говоря уже о всѣхъ европейскихъ государствахъ и странахъ¹⁾.

Теперь вы, надѣюсь, не удивитесь, если мы скажемъ, что русскій народъ въ простой массѣ своей доселѣ еще остается съ самыми смутными и неясными понятіями о догматахъ исповѣдуемой и любимой имъ вѣры, о Богѣ въ Его

---

¹⁾ См. у Э. Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ, т. I. Спб. 1898 г., стр. 429. Отзывъ о точности находящихся здѣсь показаній, см. у проф. Юлли. Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы. Спб. 1900 г., стр. 24—25.

существомъ и свойствамъ, объ искупленіи міра Спасителемъ, о св. таинствахъ, о почитаніи св. угодниковъ Божіихъ, иконъ и т. п. И доселѣ еще простой народъ нашъ произноситъ одни только имена христіанскія, подкладывая подъ нихъ понятія, безсознательно заимствованныя изъ древне-языческой вѣры. И доселѣ еще простой народъ нашъ остается „сущимъ младенцемъ по вѣрѣ“. Искренняя, глубокая и сильная вѣра нашего народа, но въ то же время и неясная, безотчетная и темная. „Въ какой вѣрѣ“,—спрашиваетъ покойный архіепископъ херсонскій Никаноръ,—„въ какой церкви вѣрующій можетъ родиться, жить и умереть, вовсе не зная своей вѣры“? И отвѣчаетъ: „единственно у насъ! Горько, позорно, но истинно“.

Да проститъ намъ собраніе нашу, быть можетъ, слишкомъ пространную рѣчь о малообразованности и малопросвѣщенности нашего русскаго народа. Эта рѣчь однакоже необходима была для того, чтобы показать, что нашъ народъ не знаетъ своей вѣры православной. А на этой именно почвѣ и возникаютъ у насъ сектантскія броженія, преимущественно двумя путями.

Являются по временамъ среди простого, непросвѣщеннаго, но даровитаго русскаго народа лица, которые не удовлетворяются одною сердечною вѣрою, однимъ чувствомъ, у которыхъ пробуждается и начинается дѣлать запросы ихъ природный, живой, сильный и пытливый умъ. Такими лицами овладѣваетъ страстная жажда знанія, во что они вѣрують, вѣрують ли они право и приведетъ ли ихъ вѣра, исповѣдуемая ими, ко спасенію. Счастье, великое счастье, если такія лица найдутъ себѣ хорошихъ руководителей, которые удовлетворятъ ихъ духовной жадѣ и направятъ ихъ на истинный путь. Но что долженъ дѣлать простой человѣкъ, не находящій для себя подобнаго руководителя и тѣмъ не менѣе томимый внутреннею, горячею жаждою знанія? Лишенный надлежащаго руководства и будучи совершенно несвѣдущъ въ возвышенныхъ христіанскихъ истинахъ, такой человѣкъ не-

рѣдко самъ обращался къ св. Библіи, гдѣ, какъ онъ зналъ, изображенъ истинный путь ко спасенію. Онъ читалъ и перечитывалъ эту святую книгу, ища въ ней отвѣта на свой неотступный вопросъ о томъ, какъ вѣрнѣе всего спастись самому и спасти другихъ, и получались примѣры, подобные слѣдующимъ.

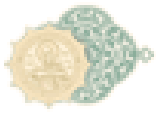
Крестьянинъ Владимірской губерніи, по фамиліи Никитинъ, сжегъ домъ свой и въ немъ двухъ своихъ дѣтей, предварительно зарѣзавъ ихъ ножомъ на горѣ за селеніемъ. На допросѣ предъ судомъ онъ спокойно показалъ, что поступилъ такъ, прочитавши Библію, и совершилъ дѣтоубійство, подражая Аврааму, принесшему нѣкогда въ жертву Богу сына своего Исаака, и что въ то время, когда онъ рѣзалъ своихъ дѣтей, жена его, мать малютокъ, произносила слова, молитвенно объяснявшія цѣль закланія.—Никитинъ, конечно, былъ наказанъ и сосланъ въ Сибирь. Живя здѣсь, онъ часто уходилъ въ лѣсъ, гдѣ была маленькая часовня. Сначала не знали, зачѣмъ Никитинъ часто удаляется въ лѣсъ, но скоро дѣло объяснилось самымъ неожиданнымъ образомъ.

Пастухи однажды были привлечены къ часовнѣ стономъ челоуѣка и увидѣли здѣсь слѣдующее. Въ часовнѣ, на крестѣ висѣлъ какой то челоуѣкъ, какъ оказалось потомъ, самъ Никитинъ; голова его въ терновомъ вѣнкѣ была склонена на бокъ, по срединѣ онъ былъ подпоясанъ бѣлымъ платкомъ, въ боку была рана и все тѣло было обито и забрызгано кровью, у подножія креста лежали копые и орудія страстей Христовыхъ. Когда собѣжавшіеся люди сняли распятаго со креста, онъ былъ еще живъ. Когда его вылѣчили и стали допрашивать, то Никитинъ показалъ, что онъ жертвовалъ собою за грѣхи людей и, выбравъ для того вечеръ великой пятницы, самъ себя распялъ. Трудно было ему рѣшиться на это, но онъ предъ тѣмъ долго и усердно молился. Послѣ молитвы, успокоившей его, онъ сначала прибилъ ко кресту

свои ноги правой рукой, придерживаясь лѣвой за поперечное древко креста, потомъ лѣвую руку нанизалъ на большой гвоздь, вбитый предварительно съ задней стороны поперечной доски креста. То же самое онъ хотѣлъ сдѣлать и съ правою рукою, да видно измѣнила ему сила, онъ ослабѣлъ и повисѣлъ. Такъ, съ опущенной рукою онъ и найденъ былъ пастухами. „Захотѣлось умереть, какъ умеръ Христосъ за людей“, говорилъ впослѣдствіи Никитинъ. Понятно, что человѣкъ съ такою желѣзною силою воли и съ такою безпредѣльною готовностію страдать, жертвовать собою для блага людей, невольно внушаетъ уваженіе къ себѣ и находитъ множество послѣдователей, которые готовы безпрекословно исполнять всякое слово его, и... начинается сектантское движеніе.

Вотъ другой примѣръ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи живетъ простой крестьянинъ Михаилъ Акинѣевъ Поповъ. Обладая свѣтлымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, будучи грамотенъ и имѣя сравнительно достаточныя средства къ жизни, онъ часто и подолгу читаетъ Библію. Все ему хочется рѣшить вопросъ, какъ вѣрнѣе всего спастись. И вотъ онъ находитъ, между прочимъ, слѣдующія слова въ Библіи: *вси же въровавшіе бяху вкуупъ, и и.пяху вся обща* (Дѣян. II. 44). Слова эти поражаютъ его; въ нихъ онъ видитъ прямой отвѣтъ на свои постоянныя думы, и съ ревностію новообращеннаго онъ начинаетъ исполнять эти слова. Онъ, прежде всего, раздаетъ все свое имущество своимъ сосѣдямъ. Знакомые сначала удивляются поступку Попова, но потомъ начинаютъ сочувствовать ему. Находится множество подражателей Попову, цѣлыя села обращаются въ его „вѣру“ и является секта „общихъ“.

Что, спрашивается теперь, создало эту секту? Главнымъ образомъ и прежде всего незнаніе русскимъ простымъ человекомъ православной вѣры, совершенная неподготовленность его къ рѣшенію вопросовъ, назрѣвшихъ въ его душѣ, искренно и глубоко вѣрующей, способной на безграничное самопожерт-

твованіе во имя „правой вѣры“. И не такъ-ли, въ сущности, произошли и всѣ другія наши секты, или, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ? „Духовная вѣра“ духоборцевъ, молоканъ, а отчасти и штундистовъ развѣ не явилась только дальнѣйшимъ развитіемъ ложнаго, односторонняго пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ и выраженій, находящихся въ Св. Писаніи, напр., „Богъ есть духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ“ (Іоан. IV, 63; ср. 2 Кор. III, 6) и т. д.? Или уродливая скопческая секта не есть развѣ слѣдствіе ложнаго пониманія словъ евангелія: „есть скопцы, которые сдѣлали себя скопцами для Царства Небеснаго“ (Матѣ. XIX, 12) и словъ св. ап. Павла: „умертвите земные члены ваши“ (Колос. III, 5)?

Итакъ, вотъ первая, основная причина происхожденія русскаго сектантства: отсутствіе правильныхъ, ясныхъ понятій о своей вѣрѣ, недостатокъ надежныхъ руководителей у русскаго человѣка, у котораго пробудилось желаніе отдать себѣ отчетъ въ томъ, во что онъ вѣруетъ, истинна ли вѣра его и какимъ путемъ вѣрнѣе всего можно спастись? Незнаніе основныхъ истинъ христіанской православной вѣры, неподготовленность русскаго человѣка къ сужденію о вопросахъ вѣры вмѣстѣ съ недостаткомъ у него надежныхъ руководителей въ этомъ отношеніи лежатъ въ основаніи всѣхъ сектантскихъ движеній русскаго народа въ качествѣ главной положительной причины. Не только въ духоборчествѣ, молоканствѣ, хлыстовствѣ, скопчествѣ и другихъ подобныхъ сектахъ, основателями коихъ были люди простые, необразованные, совершенно не представлявшіе себѣ ясно основныхъ истинъ христіанской вѣры (напр., непониманіе таинства воплощенія у хлыстовъ), но даже и тамъ, гдѣ основателями сектъ были люди свѣтски образованные, причина дѣйствуетъ и остается во всей своей силѣ. На нашихъ глазахъ возникло и распространяется толстовское сектантство. Что вызвало эту новую секту? Прежде всего и главнымъ образомъ незнаніе ея основателемъ

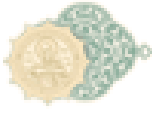
главныхъ истинъ христіанской вѣры, непониманіе имъ духа и преданія православной церкви. На этой именно почвѣ, на почвѣ незнанія и непониманія ученія и духа христіанскаго и совершенно незаконнаго отверженія преданія церковнаго возникло отрицаніе толстовцами клятвы, юридическихъ судовъ, патріотизма, на этой же почвѣ создалось и пресловутое толстовское евангеліе.

Безъ всякой предварительной подготовки, безъ отчетливаго и яснаго знанія основныхъ истинъ христіанства, безъ руководства церковнаго преданія, съ однимъ только своимъ талантомъ художника основатель толстовства приступилъ къ передѣлкѣ четырехъ евангелій и... получилось „толстовское евангеліе“. „Я старался“, говоритъ онъ, „методически, шагъ за шагомъ, разсѣять тотъ туманъ, который скрывалъ отъ людей истину, я переводилъ снова стихъ за стихомъ четвероевангелія, сравнивалъ ихъ, соединялъ ихъ въ новую конкорданцію, исправлялъ заблужденія“ (это въ евангеліяхъ заблужденія.)! Такъ, очевидно, можетъ говорить только тотъ, кто совершенно не знаетъ христіанства, его ученія, его преданія и духа, кто совершенно не понимаетъ всего этого!

Это одинъ путь происхожденія у насъ сектантскихъ броженій. Другимъ, не менѣе распространеннымъ, путемъ возникновенія и распространенія сектъ среди русскаго народа служить вліяніе, или даже иногда пропаганда стороннихъ, иновѣрныхъ дѣятелей, которые пользуются тою-же самою непросвѣщенностію русскаго народа, незнаніемъ имъ своей вѣры. Подъ вліяніемъ подобной сторонней пропаганды произошли у насъ, несомнѣнно, такія секты, какъ масонство, пашковщина, штундизмъ и мн. др.

Таковы, по нашему мнѣнію, главнѣйшія причины зарожденія и распространенія у насъ сектантскихъ движеній. Указать же всю совокупность условій и причинъ, дѣйствующихъ въ зарожденіи сектантства, не представляется никакой возможности, и вотъ почему.

Религія есть союзъ Бога съ человѣкомъ, союзъ живой и глубоко таинственный. Потому область религіи всегда и вездѣ представляетъ для насъ много неяснаго, таинственнаго, неподдающагося полному уразумѣнію. Оттого-же и сектантскія движенія представляютъ въ своемъ происхожденіи и въ своей исторіи много непонятнаго, много темнаго. Къ тому же сектантство въ большинствѣ внѣшнихъ своихъ обнаруженій есть явленіе болѣзненное, иногда даже эпидимически болѣзненное, чѣмъ еще болѣе затрудняется уясненіе сложнаго процесса зарожденія и происхожденія сектантства.

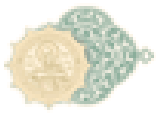
Но самый фактъ болѣзненности сектантства не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Достаточно только внимательно наблюдать, побесѣдовать съ искреннимъ (разумѣется, въ своемъ заблужденіи) сектантомъ, достаточно послушать его, разумѣется, искреннее признаніе въ томъ, какъ онъ сдѣлался сектантомъ, чтобы убѣдиться, что сектантъ—это человѣкъ ненормальный, болѣзненный. Горячіе глаза, безпокойный взглядъ, необыкновенная подвижность или же, наоборотъ, неестественная апатія, равнодушіе ко всему, говорливость, увеличенная чувствительность, выражающаяся въ ненормальныхъ изліяніяхъ чувствъ радости, скорби, отчаянія и вообще въ частой смѣнѣ подобныхъ противоположныхъ настроеній, самоувѣренность, гордость,—это почти постоянныя характеристическія черты всякаго сектанта. Нѣкоторые сектанты сами сознавались и сознаются, что они передъ переходомъ въ секту чувствовали какое-то особенное безпокойство, волненіе, страданіе, удовлетворенія которымъ они искали именно въ переходѣ въ секту, но которыя не оставляли ихъ и послѣ этого перехода.

Въ иныхъ случаяхъ сектантскія броженія принимаютъ даже эпидемически болѣзненный, заразительный характеръ. Не заходя далеко, не наводя нарочитыхъ историческихъ справокъ, не упоминая о такихъ явно болѣзненныхъ, уродливыхъ видахъ нашего сектантства, каковы хлыстовство, скопчество

и др.. мы обратимъ ваше вниманіе на одно изъ новѣйшихъ сектантскихъ движеній, которое ближе всего къ намъ и которое въ самое послѣднее время такъ рѣзко заявило о себѣ въ предѣлахъ нашей Кіевской губерніи. Разумѣемъ секту малеванцевъ, одну изъ отраслей южно-русскаго штундизма. По отзыву вполне компетентныхъ людей, представителей науки, эта секта есть „сложное психопатическое броженіе, въ которомъ подмѣнены слѣдующія болѣзненные явленія: 1) истерія, 2) параноическое помѣшательство, 3) квіэтизмъ и 4) общее разстройство питанія. На долю истеріи приходится между малеванцами наибольшее число субъектовъ, и уже одно это обстоятельство объясняетъ причину чрезвычайной наклонности населенія къ подражанію и легкость, съ которою начавшееся броженіе воспринималось, усваивалось и развивалось. При такихъ условіяхъ, вліяніе небольшого числа помѣшанныхъ могло оказывать неотразимое воздѣйствіе. Эти же условія дѣлаютъ понятнымъ тотъ съ перваго взгляда непонятный фактъ, что родоначальникомъ малеванщины и ея распространителями явились помѣшанные, и что населеніе, охваченное броженіемъ, усвоило себѣ парадоксальное *параноическое* мышленіе и логику помѣшанныхъ, и въ силу этой болѣзненной логики стало разрѣшать основные вопросы жизни и религіи, при помощи сравненій и пустой игры словъ. Бредъ и болѣзненная логика помѣшанныхъ явились образцомъ мудрости и подражанія для населенія, которое раньше обнаруживало здоровую логику и здоровое мышленіе. Это объединеніе здоровыхъ съ помѣшанными на почвѣ болѣзненной логики является въ исторіи человѣческой мысли фактомъ глубоко интереснымъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ загадочнымъ“ ¹⁾...

---

¹⁾ См. у проф. Сякорскаго И. А. Психопатическая эпидемія 1892 года въ Кіевской губерніи. К. 1893 г., стр. 34—35.—Замѣчательно, что вскорѣ послѣ сравнительнаго успокоенія малеванской психопатической эпидеміи всѣмъхнула и

Интересующимся подробностями возникновенія, распространенія и внѣшнихъ выраженій въ высшей степени загадочнаго и печальнаго сектантскаго броженія среди кіевскихъ штундистовъ, извѣстныхъ подъ именемъ малеванцевъ, рекомендуемъ обратиться къ спеціальному изслѣдованію о немъ извѣстнаго нашего кіевского психіатра. Мы же ограничимся однимъ только замѣчаніемъ, что русское сектантство, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ отрасляхъ и толкахъ представляетъ, и по мнѣнію самой науки, явленіе болѣзненное, даже эпидемически болѣзненное.

Казалось бы, что достаточно констатированія одного того факта, что русское сектантство есть плодъ религіознаго невѣжества русскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ эпидемически болѣзненное явленіе, для того, чтобы признать, что русское сектантство есть весьма опасное явленіе нашей церковно-общественной жизни. Но, къ сожалѣнію, современное русское сектантство имѣетъ свои особенныя, специфическія черты, которыя дѣлаютъ его исключительно опаснымъ явленіемъ религіозно-умственной жизни русскаго народа.

Въ современномъ русскомъ сектантствѣ въ послѣднее время наблюдается сильная наклонность и стремленіе къ тому, чтобы превратиться изъ чисто религіознаго движенія русской народной жизни въ социально-политическое броженіе, иногда при томъ съ самымъ крайнимъ характеромъ. Правда, и въ прежнихъ нашихъ сектахъ замѣчалось присутствіе политическаго элемента; но онъ никогда не преобладалъ въ нихъ надъ элементомъ религіознымъ, и тѣмъ болѣе онъ не былъ

ужасною обстановкою своего проявленія заставила содрогнуться всю Россію извѣстная тираспольская исторія, когда 25 старообрядцевъ въ началѣ 1897 г. живыми закопались въ землю и умерли страшною смертію. Научно-медицинское разслѣдованіе дѣла привело специалиста къ тому убѣжденію, что это—„явленіе патологическое, относящееся къ разряду т. н. психическихъ эпидемій“. (См. у проф. Сижорскаго И. А. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійство въ терновскихъ хуторахъ К. 1898 г., стр. 49 и др.).

исключительно цѣлю сектантскихъ движеній. Нѣкоторые изъ старыхъ нашихъ сектантовъ, какъ, напр., жидовствующие, духоборцы и др., старались иногда заручиться сочувствіемъ русской интеллигенціи, или даже покровительствомъ правящаго класса. Но они дѣлали это по мотивамъ религіознымъ, для того, чтобы обезпечить или спокойствіе своимъ согласникамъ, или же успѣхъ распространенія своего лжеученія, въ истинности котораго они были убѣждены.

Замѣчалось то же самое и въ жизни современныхъ нашихъ сектантовъ, въ особенности у штундистовъ. Эти послѣдніе и прежде толковали о всеобщемъ братствѣ и равенствѣ, отрицали необходимость власти, войны, суда, присяги и другихъ формъ и принадлежностей существующаго у насъ въ Россіи общественнаго устройства: но всѣ эти толки и отрицанія ихъ опирались все же на толкованіи, разумѣется, совершенно ложномъ, евангелія и заявлялись во имя религіозныхъ понятій и требованій.

Между тѣмъ, въ современномъ русскомъ сектантствѣ замѣчается нѣчто существенно худшее и гораздо болѣе опасное для церковно-общественной жизни русскаго народа. Къ сектантскому вопросу и движенію въ послѣднее время все чаще и чаще начинаютъ примыкать люди, не имѣющіе ничего общаго съ религіей, и преслѣдующіе, повидимому, цѣли, совершенно не свойственныя настоящему сектантству, какъ явленію исключительно, или, по крайней мѣрѣ, преимущественно религіозному. Оттого въ послѣднее время среди нашихъ сектантовъ стали все чаще и чаще проявляться стремленія соціально-политическаго свойства. Съ особенною силою и рельефностію эта черта обнаруживается въ средѣ раціоналистическихъ сектантовъ, напр., штундистовъ. Штундисты нѣкоторыхъ мѣстностей, напр., Харьковской губерніи перестаютъ совершенно интересоваться религіей; не имѣютъ ни религіозно-молитвенныхъ собраній, ни пѣснопѣній, ни какихъ либо вообще богослужебныхъ дѣйствій. Правда, бываютъ у

такихъ сектантовъ и собранія, но на нихъ ведутся бесѣды исключительно соціально-политическаго содержанія, читаются книги противъ-религіознаго, или противъ-государственнаго свойства. Среди такихъ сектантовъ обращаются печатныя и рукописныя сочиненія самаго возмутительнаго содержанія относительно православно-христіанской религіи и существующаго государственнаго порядка въ Россіи¹⁾).

По свидѣтельству всеподданнѣйшаго отчета по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1896 и 1897 годы, „среди штундистовъ Херсонской епархіи не мало людей вовсе невѣрующихъ, не принадлежащихъ, какъ говорятъ они противъ себя сами, ни къ какой религіи. Въ Чигиринѣ Кіевской губерніи штундисты учатъ, что слѣдуетъ вѣрить только однимъ законамъ природы, которые всегда неизмѣнны и вѣчны, и что человѣкъ долженъ стремиться къ тому, что требуетъ природа“²⁾).

А какъ понимаютъ современные сектанты эти законы и требованія природы и какъ они осуществляютъ ихъ въ жизни своей,—это можно лучше всего видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Въ семейной жизни харьковскихъ сектантовъ начало притупляться и утрачиваться чувство родства, исчезать различіе даже между родителями и дѣтьми. По ихъ разсужденію, Спаситель требовалъ, чтобы мы жили такъ, „какъ живутъ птицы небесныя“. Какъ птицы,—говорятъ харьковскіе штундисты,—пока маленькія, живутъ въ одномъ гнѣздѣ, а когда вырастаютъ, то разлетаются въ разныя стороны и не разбираютъ, кто у нихъ отецъ, кто мать, такъ должны жить и люди. Подобными разсужденіями Павловскій сектантъ Иванъ Любичъ оправдывалъ свою преступную связь съ своею невѣсткою³⁾).

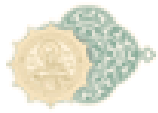
¹⁾ См. Вѣра и Разумъ 1896 г. № 23, ноябрь кн. 2, стр. 602.

²⁾ См. стр. 148.

³⁾ См. Вѣра и Разумъ 1896 г., ноябрь, кн. 2, стр. 605.

Превращеніе современнаго сектантскаго движенія изъ религіозно - церковнаго въ соціально - политическое броженіе сопровождается вмѣстѣ съ тѣмъ вырожденіемъ въ сектантахъ русскаго духа, національнаго характера. Современные штундисты постепенно оставляютъ русскіе обычаи (не только дурные, за что, разумѣется, никто не будетъ ихъ порицать, но и добрые, отличающіе русскій народъ отъ другихъ націй съ хорошей стороны) и усваиваютъ обычаи иноземные. „Вотъ я ѣзжу по этимъ, т. е. южно-русскимъ степямъ и гляжу“, — говорилъ еще за 16 лѣтъ до настоящаго времени одинъ изъ ревностнѣйшихъ нашихъ архипастырей. „Странно. Не выучились русскіе люди у иностранцевъ именно тому, чему было желательно, чтобы выучились. Нигдѣ, рѣшительно нигдѣ у русскихъ не вижу, не усматриваю, хотя и гляжу пристально и вслушиваюсь прилежно, ни улучшеннаго земледѣлія, ни улучшеннаго скотоводства, ни посадки деревъ, ни улучшенныхъ водоемовъ, ни орошенія полей, ничего истинно полезнаго, европейски культурнаго... Что же занято у колонистовъ? Заняты мелочи, повидимому, незначительныя. Именно тамъ, гдѣ центръ штунды..., тамъ русскій и коренной мало-россійскій покррой платяя совсѣмъ исчезъ... Тамъ и прочія, повидимому, мелочныя, внѣшнія отличія, сглаживающія однако чело-вѣка до того, что и признать въ немъ русскаго чело-вѣка трудно“¹⁾. Ни нравы, ни внѣшнія выраженія взаимныхъ отношеній, ни пѣсни нашихъ русскихъ крестьянъ, — ни вообще весь складъ и обстановка жизни ихъ не устояли подъ разлагающимъ вліяніемъ современнаго сектантства. Все національное, родное, русское отвергается, или забывается новѣйшими нашими сектантами. Святой, красный уголь сектантскихъ жилищъ, вмѣсто иконъ, занятъ обыкновенно листомъ бѣлой бумаги, на которомъ написанъ какой нибудь

¹⁾ См. у архіеп. Никанора Бесѣды и поученія. Одесса. Т. III. 1886 г. Стр. 233—234.

текстъ Новаго Завѣта. Рядомъ съ этимъ листомъ бумаги встрѣчаются портреты Вильгельма, Бисмарка, Пашкова и... иногда Августѣйшихъ Особъ Русскаго Царствующаго Дома.

Скажутъ, что все это—внѣшность, все это вызвано большими удобствами, дешевизной иноземной обстановки. Да, если бы было такъ; но, къ сожалѣнію, подъ этою внѣшностію въ дѣйствительности скрывается болѣе существенная симпатія русскихъ людей къ иноземцамъ и вражда, ненависть, отвращеніе отъ своего родного, отеческаго, русскаго. Бывали примѣры, даже здѣсь въ Кіевѣ, когда наши сектанты на публичныхъ бесѣдахъ отказывались признать себя славянами, или русскими, предпочитая названіе (будто-бы евангельское) духовныхъ христіанъ, братьевъ.

Какъ сильно развивается среди современныхъ сектантовъ отвращеніе ко всему русскому, это лучше всего можно видѣть изъ того, что сектанты иногда въ этомъ отношеніи доходятъ до полной невозможности жить среди своихъ соотечественниковъ, жить въ своей родной Россіи. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ условій, вызвавшихъ подобное явленіе на свѣтъ Божій въ наши дни, не будемъ рѣшать вопроса о томъ, кто здѣсь виноватъ, —но во всякомъ случаѣ фактъ остается фактомъ, печальнымъ, горькимъ, постыднымъ. Нѣкоторые изъ современныхъ сектантовъ оказываются въ невозможности осгаваться болѣе на Руси и добровольно выселяются изъ нея. Само собою разумѣется, какъ велико должно быть вырожденіе русскаго духа, русскаго чувства въ тѣхъ людяхъ, которые перестаютъ любить даже свое отечество. свою родную и святую Русь, и, съ другой стороны, какъ долженъ огличаться отъ существующаго у насъ общественнаго и государственнаго порядка и строя общественный строй и все вообще міровоззрѣніе тѣхъ русскихъ сектантовъ, которые сознаютъ, чувствуютъ, что они не могутъ жить среди русскихъ. Это именно случилось съ духовоборцами закавказскими. Они сначала отказались подчиниться

общегосударственнымъ законамъ, каковы, напр., законы о всеобщей воинской повинности, уплатѣ податей, принесеніи вѣрноподданнической присяги. „Въ началѣ 1896 года духоборы с. Славянки Елизаветопольской губерніи оказали вооруженное сопротивленіе судебному приставу Дзегамскаго мирового участка Теръ Азарьеву и мѣстному полицейскому приставу Асцатурову“ ¹⁾, а въ 1899 году нѣкоторые изъ нихъ, подѣ именемъ „постниковъ“, составившихъ преступное анархическое общество, отрекшееся признавать верховную власть Царя, подчиняться поставленному отъ него начальству, отрицающее правительственныя учрежденія, законы и пр. ²⁾, въ количествѣ 3.000 человекъ, переселились въ Америку, гдѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ, крайне бѣдствуютъ.

Замѣчательно, что главными руководителями духоборцевъ-постниковъ, въ ихъ переселеніи изъ Россіи въ Америку, судя по свѣдѣніямъ періодической печати, были нѣкоторые представители извѣстной части нашего, т. н. интеллигентнаго общества. Наше образованное общество, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной своей части обнаруживаетъ въ послѣднее время особенную склонность къ тому, чтобы не только сочувствовать, но даже и прямо покровительствовать нашему сектантству. Въ этомъ покровительственномъ отношеніи образованнаго общества сектантству должно видѣть одно изъ важнѣйшихъ условій небывалаго раньше возбужденія у насъ сектантскаго движенія, дѣлающаго его весьма опаснымъ. Исторія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что сочувствіе и покровительство сектантству со стороны образованнаго общества всегда сопровождалось болѣе или менѣе сильнымъ возбужденіемъ сектантскаго броженія. Такъ было, напр., въ концѣ XV в. и въ первой половинѣ XVI.; такъ же было и въ на-

---

¹⁾ См. Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1896 и 1897 г.г. Спб. 1899 г., стр. 151.

²⁾ См. тамъ-же, стр. 150.

чалъ XIX в. То же самое, къ сожалѣнію, наблюдается и въ настоящее время.

И неудивительно еще то, что темной массѣ нашего простонароднаго сектантства выражаютъ сочувствіе и покровительство и словомъ и дѣломъ тѣ изъ нашихъ интеллигентовъ, которые сами раздѣляютъ сектантскія заблужденія.

По свидѣтельству оффиціального отчета, „весною 1896 года вожакъ штунды юго-западнаго края ѣздили въ Петербургъ, имѣли совѣщаніе съ здѣшними пашковцами и, возвратившись, вдохнули въ темную массу лживыя надежды разсказами, что „насъ-де сила великая“, что они-де „бачили (видѣли) въ Петербургѣ богато братьевъ изъ панівъ и графовъ“ и что „братья эти казали, что трохи подержитесь, а тамочки ваша возьметъ“.

Неудивительно, что возбужденные такими разсказами, штундисты приняли вызывающій тонъ не только по отношенію къ православному населенію и духовенству, но и къ начальнымъ лицамъ, при чемъ стали собираться не только тайно для своихъ моленій, но и открыто...

Наши интеллигентные сектанты, „повидимому, желали бы господствующую въ положительномъ ученіи штунды догматическую неустойчивость и религіозное разномысліе толковъ объединить и оформить. Въ этихъ, можно думать, видахъ объединенія штундовыхъ толковъ въ послѣдніе годы въ рукахъ передовыхъ штундистовъ начали появляться рукописныя анонимныя произведенія, принадлежащія несомнѣнно интеллигентнымъ авторамъ, въ формѣ религіозныхъ сектантскихъ трактатовъ въ популярномъ и даже въ простонародномъ изложеніи. Одни изъ этихъ произведеній заключаютъ въ себѣ исповѣданіе вѣры въ духѣ упомянутаго направленія, другіе же—популярные комментаріи на Священное Писаніе, или аллегорическіе, въ библейскомъ духѣ, разсказы, а также и апологіи рачіоналистическаго сектантства. Послѣднія состав-

лены на основаніи тенденціозно подобранныхъ мѣстъ изъ особенно чтимыхъ народомъ свв. отцовъ и учителей церкви: св. Іоанна Златоуста, Тихона Задонскаго и др., что все, повидимому, рассчитано на довѣріе русскихъ грамотѣевъ къ этому роду произведеній. Въ религіозномъ направленіи произведенія эти имѣютъ задачею провести въ сознаніе простого народа не только противоцерковные и противоправославные, но и прямо противо-христіанскіе взгляды на Божество, міръ и человѣка.

Но эти сектантскіе трактаты не ограничиваются областью вѣры, а останавливаютъ мысль народа и на вопросахъ чисто общественнаго, соціальнаго и государственнаго порядка и разрѣшаютъ ихъ, хотя повидимому и на религіозной почвѣ, при посредствѣ ряда ссылокъ на библейскіе тексты, но въ духѣ социализма и не вездѣ даже прикровеннаго. Особенно часто затрогиваются въ этихъ произведеніяхъ и тенденціозно разрѣшаются вопросы о благѣ всѣхъ людей, свободѣ, равенствѣ, братствѣ, властяхъ, о государственныхъ повинностяхъ, присягѣ, войнѣ и судахъ“¹⁾.

Болѣе удивительно то, что даже „далеко не всѣ изъ начальствующихъ лицъ, равно изъ писателей, руководящихъ въ литературѣ мнѣніемъ общества, или по невѣдѣнію, или по предвзятому мнѣнію сознаютъ опасность для государственнаго порядка отъ распространенія въ народѣ „сектантскаго движенія“. Иные склонны даже возвеличивать завѣдомыхъ пропагандистовъ анархистскихъ ученій, во имя мнимой свободы убѣжденія, или выставляютъ страдальцами за эту свободу“²⁾.

Къ глубокому сожалѣнію, среди нашихъ писателей и даже цѣлыхъ литературныхъ кружковъ въ настоящее время находятся такіе, которые готовы видѣть въ русскомъ сектанствѣ нѣчто чрезвычайно хорошее и свѣтлое, въ усиленіи

¹⁾ См. тамъ-же, стр. 147—148. 149.

²⁾ См. тамъ-же. стр. 151.

сектантскаго движенія прозрѣвають наступленіе новой эпохи въ жизни русскаго народа, — словомъ, идеализируютъ сектантство. Вотъ что, напр., писала еще совѣтъ недавно одна изъ подобныхъ защитницъ и покровительницъ сектантства: „мысль народная растетъ, направляясь въ разныя стороны, давая въ результатъ многочисленныя секты, обнимающія не одну тысячу человекъ. Эти секты выдѣляютъ своихъ героевъ, изъ коихъ многіе отличаются высокими нравственными качествами и жизнью, отмѣченною подвигами и страданіями за вѣру свою. Сектантство является продуктомъ умственной работы простолудина. Всѣ эти нескончаемые дебаты между собою изъ-за различно истолкованныхъ текстовъ, дѣленія на секты, толки и проч. говорятъ сами за себя. Вѣчный обмѣнъ мыслей (?) развиваетъ самодѣятельность, вырабатываетъ способность къ критическому анализу. Съ просвѣтленіемъ ума исчезаютъ и понятія, присущія тьмѣ“ ¹⁾. Вотъ какъ можно смотрѣть на сектантство! Вотъ какъ можно ошибаться при оцѣнкѣ столь важнаго явленія духовной жизни русскаго народа! Правда, что мысль народа путемъ сектантства растетъ, но растетъ въ ложномъ направленіи, какъ можетъ расти и мышленіе ребенка, лишеннаго разумнаго руководства, какъ можетъ расти мысль психически больнаго человека. Правда, что секты выдѣляютъ своихъ героевъ, но среди этихъ героевъ встрѣчаются на каждомъ шагѣ обманщики и эксплуататоры въ родѣ Веригина, Паніашки ²⁾ и мн. др. Правда, что сектантство порождаетъ въ народѣ любовь къ дебатамъ, порождаетъ дѣленія на толки и партіи; но развѣ можно этому радоваться, это поощрять и этому сочувствовать?

Каковы же результаты такого отношенія нашего интеллигентнаго общества—и сектантствующаго и несектантствующаго—

¹⁾ См. статью В. Бородаевской-Ясевичъ: „Очерки изъ исторіи сектантскихъ движеній“ въ „Новомъ Словѣ“ 1897 г., январь, стр. 258.

²⁾ См. о немъ и его геройскихъ подвигахъ въ Мис. Обзор. 1897 г., май, кн. 1-я, стр. 423—431.

паго—къ современному нашему сектантству? „Крайне печальны“,—скажемъ словами не разъ уже упомянутого нами всеподданнѣйшаго отчета по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1896 и 1897 годы ¹⁾. Вотъ одинъ изъ подобныхъ результатовъ. Вся наша штунда нынѣ стремится неудержимо къ тому, чтобы усвоить себѣ имя баптизма и вмѣстѣ съ этимъ именемъ, разумѣется, и ученіе чисто протестантской баптистической секты. Это дѣлается нашими штундистами съ тою цѣлю, чтобы за именемъ баптистовъ-нѣмцевъ укрыться отъ дѣйствія русскихъ государственныхъ законовъ, одинаково обязательныхъ для всѣхъ русскихъ гражданъ нашего отечества. И руководителями и покровителями нашихъ штундистовъ, безъ сомнѣнія, непонимающихъ всей серьезности и важности дѣлаемаго ими, являются наши же образованные люди, законники, сознательно побуждающіе русскихъ людей дѣлаться протестантами и нѣмцами и оправдывающіе свой образъ дѣйствій тѣмъ, что и протестантство, молъ, создало могущественныя государства. Истинно такіе мудрецы не вѣдятъ, что творятъ. Страшно становится за Россію, за русскій православный народъ, когда представишь себѣ, что будетъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ съ тѣми русскими людьми и особенно ихъ потомствомъ, которые нынѣ неудержимо стремятся сдѣлаться баптистами, т. е. нѣмцами по вѣрѣ, по міросозерцанію, по складу всей жизни.

Что же дѣлать? спросите вы. Гдѣ искать средствъ для борьбы съ этимъ болѣзненно-темнымъ явленіемъ религіозно-умственной жизни нашего народа, именуемымъ сектантствомъ?

Мы здѣсь собрались одушевленные любовью и ревностію о православной вѣрѣ. Мы, составляющіе братскій союзъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія, можемъ судить и говорить только о нравственныхъ средствахъ борьбы со зломъ, о нравственныхъ способахъ лѣченія болѣзни. Какія же это средства и способы?

¹⁾ См. тамъ-же, стр. 150.

Наше общество образованное не знаетъ и не понимаетъ вполне сущности сектантства. Потому придите къ нему на помощь и помогите ему узнать исторію нашего сектантства, понять сущность, всю важность и серьезность этого явленія для будущаго Россіи. Наше сектантство происходитъ преимущественно отъ недостатка просвѣщенія русскаго народа, отъ незнанія имъ своей православной вѣры. Придите на помощь русскому бѣдному народу, придите со свѣтильникомъ въ рукахъ и освѣтите его неясную мысль, его темную, хотя и глубоко вѣрующую душу. Сектантство наше есть болѣзненный вопль о помощи, исходящій изъ мощной груди многомилліоннаго русскаго народа, плачь на свое невѣжество и мольбы объ удовлетвореніи жажды знанія своей вѣры. Придите къ нему на помощь, придите съ словомъ Божиимъ и ученіемъ Церкви и научите его вѣрѣ! Придите къ нему съ исторіею нашего отечества и разясните ему величайшее значеніе православной вѣры въ историческихъ судьбахъ святой Руси! Покажите ему высокіе образцы святости, подвижничества, мужества, самоотверженія и царственной мудрости и попечительности о своемъ народѣ, и онъ преклонится предъ этими образами и полюбитъ свою родную вѣру, воспитавшую и давшую ему такіе образцы, полюбитъ ее любовію сознательною, разумною! Придите къ нему съ ученіемъ о трезвенности не только тѣлесной, но вмѣстѣ и духовной, не съ волшебнымъ, поддѣльнымъ, искусственнымъ свѣтомъ, но съ настоящимъ свѣтомъ, съ добрымъ, истинно христіанскимъ словомъ о мірѣ, окружающей природѣ и о всемъ существующемъ, и онъ вмѣстѣ съ вами прославить и благословить Бога, все премудро устроившаго и о всемъ промышляющаго. Однимъ словомъ, придите къ нему съ свѣтомъ истиннымъ, просвѣщающимъ и освящающимъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, и русскій народъ скажетъ вамъ за все это свое душевное, искреннее, великое русское спасибо!

Священникъ Ѳ. Титовъ.